Миссия музея

Миссия музея, согласно российской музейной энциклопедии – это 1) предназначение (сверхзадача) музея, определяемая как генерирование культуры настоящего и будущего на основе сохранения и актуализации наиболее ценной части всех видов наследия; 2) элемент стратегического планирования деятельности конкретного музея, программное заявление, в котором сформулированы главная цель музея, его роль и общественная сущность, принципы его функционирования. [16]

Как видно, миссия музея в общем виде тесно смыкается с его функциями и задачами, с той, ролью, которую музей играет в жизни общества. Обзор заголовков публикаций, содержащих словосочетание «миссия музея», на сайте e- Library показывает, что одной миссией могут руководствоваться музеи определённой профильной группы, музеи определенного региона, музеи одной ведомственной принадлежности и т. д. Грань между музейной миссией и функциями музея трудноуловима, поэтому пишут о социальной, рекреационно-образовательной миссиях или о миссии сохранения наследия.

В более узком смысле, под музейной миссией понимается сжатая формула, своеобразная установка или лозунг, нацеленные на реализацию программы деятельности музея в определённой перспективе. Когда мы имеем дело с лаконично (или пространно) сформулированной и озвученной миссией музея (группы музеев), мы видим иногда только универсальное, абстрактное клише или фразу, которые могут не соответствовать реальному содержанию их деятельности. Используя терминологию Э. Фрома, мы можем увидеть, каким музей хочет казаться для общества, и не увидеть, что он есть в действительности.

Попробуем рассмотреть, чем были отечественные и некоторые музеи мира в разные исторические периоды, и какие миссии они объективно выполняли.

Миссии российских музеев

Первые отечественные музеи – Кунсткамера, Эрмитаж, на начальном этапе своего существования ещё несут на себе родовые черты кабинетов редкостей, т. е. собраний диковинных предметов, созерцание которых вызывает у людей сильные эмоции. Однако, объективно эти музеи выполняли миссию (больше всего это относится к Кунсткамере), которая укладывается в глобальный просветительский проект Петра I.

Империя, сильно отставшая от передовых европейских стран – Голландии, Англии и Франции, нуждалась не просто в собственных врачах, инженерах, преподавателях, кораблестроителях, естествоиспытателях всех специальностей, но и в качественной, отлаженной системе образования, позволяющей получать таких специалистов в необходимом количестве. Кунсткамера неслучайно сравнивается с «живой» энциклопедией – в её коллекциях собрано и систематизировано знание, адекватное уровню развития науки конца 18 в. Н. П. Копанева пишет, что Кунсткамеру нужно рассматривать, как ранний этап европейского энциклопедизма. [9, с. 30]

Зарождение и развитие отечественной науки неотделимо от первых российских музеев, соответственно миссия, которую последние объективно выполняли – это просвещение, формирование первых отечественных научных школ, и более широко, форм культуры, впитавших в себя лучшие мировые достижения в этой области.

Эту же миссию, но в более суженном виде, выполняли появившиеся вскоре учебные музеи. Например, коллекция минералов и руд Минерального кабинета при Горном кадетском корпусе, была призвана способствовать развитию геологии в России, профессиональному становлению отечественных горных инженеров.

Эрмитаж, параллельно с учреждённой в 1757 г. Академией художеств, выполнял миссию по формированию отечественных школ живописи, скульптуры и архитектуры.

Миссия музеев, появившихся в XIX в. всё та же – они содействуют, наравне с образовательными учреждениями, научному просвещению, распространяя своё влияние на всё более широкие слои населения Российской империи. Теперь её выполнение возложено также и на множество провинциальных музеев, которые иногда становятся настоящими научно- исследовательскими центрами удалённых от столиц регионов. Таким центром стал, например, музей в г. Минусинске. Комплексный характер этого музея, его сотрудничество с мировыми научными центрами и экспедициями, множество публикаций и богатейшие коллекции, объективно делали этот музей образцом для организации множества подобных учреждений (в Енисейске, Нерчинске, Ачинске, Красноярске). [12, с. 168]

С середины XIX в. просветительская и научно- исследовательская миссия музеев проявляется также в той роли, которую они сыграли в становлении археологии и научной истории. «Археологический бум», ставший следствием крупных открытий в Причерноморье, влиял напрямую на музейное дело, а музеи, в свою очередь, стимулировали дальнейшие археологические исследования. Появившиеся в это время

прототипы музеев- заповедников, демонстрируют осознание такой музейной миссии, как охрана памятников истории.

Следует помнить, однако, что в это время двери не всех музеев были открыты для широкой публики, что вносило определённую корректировку в просветительскую миссию музеев: фактически содействие просвещению не охватывало некоторые слои населения. Одновременно с популяризацией исторического знания, музеи постепенно становятся и ретрансляторами определённой государственной идеологии. Также до 1917 г. идеологические конструкты, транслировавшиеся музеями, имели, как правило, великорусский консервативно-патриархальный оттенок. Музеев, выполнявших миссию сохранения и репрезентации истории «нетитульных», окраинных, малых народов империи, существовало немного.

Ситуация стала меняться только в начале XX в., когда стали во множестве появляться отделы или самостоятельные музеи, сосредоточившиеся на природе, этнографии и истории провинций и областей.

Несколько раньше, в западных районах Российской империи, например, в Прибалтике и Польше, наблюдался процесс резкого возрастания интереса к текстам на национальных языках, к собирательской краеведческой, этнографической работе. Во многом, это было проявлением сопротивления русификации, исходившей из центра. Библиотеки и музеи становились здесь координирующими центрами, а миссия, которую они на себя брали, в сложившихся условиях – сохранение национальной идентичности, через сохранение памятников письменности, фольклора, предметов быта и искусства.

В первые революционные годы, поднявшие на небывалый уровень творчество масс, формировались новые типы музеев. Их культурно-образовательная, просветительская миссия теперь могла трактоваться в самом расширительном ключе. Именно в это время музей начинает восприниматься, как культурная норма.

Гражданская война вывела также на первый план такую миссию музеев, как сохранение культурных ценностей от физического уничтожения. Но практически одновременно, в 1923 г. была разрешена реализация части имущества из музейных фондов, «не имеющего историко- культурного значения». Неконтролируемые распродажи привели к невосполнимым потерям наследия. [12, с. 177]

К концу 20- х гг. XX в., с началом разгрома краеведческого движения, музеи объективно становятся всё теми же ретрансляторами государственной идеологии. Это проявлялось и в подгонке любой

локальной истории под утрированные, превратно понятые марксистские лекала, и в однообразном экспозиционном наполнении, и в кадровой политике музеев. С началом индустриализации миссия отечественного музея – это политическая пропаганда, что было закреплено на Первом Всероссийском музейном съезде 1930 г.

Уже очень вскоре, с началом ВОВ, на первый план вновь выходит задача физического сохранения культурного наследия. Коллекции десятков музеев из городов, попавших вскоре в оккупацию, были вывезены вглубь Советского Союза, где были организованы Госхранилища. Поистине геройскую миссию выполнили музейные работники пригородов Ленинграда, спрятавшие в тайники бесценные произведения скульптуры. Героизм этой работы видится ещё отчётливее, если вспомнить, что с первых же дней войны перед музейными работниками, занимавшимися эвакуацией, встали проблемы нехватки упаковочного материала (стружки, ящиков, бумаги) и отсутствие транспортных средств, что сильно осложняло работу. [13, с. 207, 208]

Параллельно наметилась и другая важная миссия – сохранение материалов о текущих боевых действиях, преступлениях полицейских частей, экономическом уроне советской промышленности и сельского хозяйства.

Послевоенная миссия отечественных музеев – расконсервация и реставрация памятников культурного наследия, восстановление зданий музеев и прилегающих территорий. Подлинно гуманистическим содержанием наполнена колоссальная работа учёных и реставраторов Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, которые провели титаническую работу по регенерации и реставрации сокровищ живописи Дрезденской галереи, спрятанных нацистами в 53 схронах, расположенных по берегам Эльбы, и обнаруженных советскими военнослужащими. Среди спасённых для человечества сокровищ, были «Сикстинская мадонна» Рафаэля, «Автопортрет с Саксией на коленях» Рембрандта, «Святая Инесса» Риберы, работы Дюрера, Вермеера, Мантеньи, Веласкеса, Рубенса, Ван Дейка. [2, с. 51, 52, 55]

«Оттепель», а также последовавшие вскоре рост внутреннего туризма в СССР и «музейный бум» выравнивали общественные роли отечественных музеев с зарубежными. Приходило осознание миссии музеев, как агентов и организаторов самых разнообразных креативных практик, многопрофильных и многофункциональных пространств, работающих не столько на просвещение, сколько на интересное времяпровождение и общение. Большую роль музеи и природные парки стали играть в деле экологического воспитания.

В 90- х гг. XX в. эти тенденции только усилились. Одновременно многим музеям снова пришлось уберегать наследие от физического уничтожения в ситуации тотальной приватизации всего, что раньше было в государственной собственности, в условиях юридического вакуума, локальных конфликтов и всесилия некоторых религиозных организаций, претендующих на владение и распоряжение памятниками архитектуры и истории. Стоит отметить, что культовые сооружения зачастую и сохранились только благодаря использованию их в качестве музейных пространств.

На рубеже XX – XXI вв. коммерциализации подверглись многие ранее «некоммерческие» сферы жизни, к этому времени и относится появление чётко сформулированных миссий - кредо, лозунгов или установок, иллюстрирующих и конкретизирующих цели и задачи, вытекающие из программ развития музеев.

Обратимся к сайтам некоторых современных музеев и национальных парков Русского Севера, поскольку на их примере можно чётко проиллюстрировать расхождение между заявленной ими миссией и объективно выполняемой ими работой. Такое расхождение - следствие идеологической фильтрации.

Так, обзор сайтов этнографических музеев показывает, что основной мотив декларируемой ими деятельности – это сохранение и актуализация народной культуры и традиций.

Можно встретить такое кредо или слоган, соответствующие, видимо, возлагаемой на себя, миссии: «Верность старине и вера в чудесное…» (Кенозерский национальный парк в Архангельской области). [5]

Предлагают «прикоснуться к традициям жизни предков, к истокам культуры и менталитета русского народа». (Архитектурно-этнографический музей Семёнково под Вологдой). [4]

Формулируется иногда и более развёрнуто – «создание духовной связи между современным миром и миром прежним, сохранение образцов культуры русского Севера, их неповторимого колорита и величественной красоты». (Музей деревянного зодчества Малые Корелы в Архангельской области). Этот музей – «анклав нетронутой старины» и «фактически единственное место, где можно окунуться в незабываемую атмосферу прежнего Севера». [6]

Как показывает наш опыт посещения музеев, претендующих на создание условий для погружения в традиции и народную культуру Русского Севера, в их экспозициях наблюдаются существенные лакуны. Приведём некоторые примеры:

1) В музеях Русского Севера существенное место отведено сакральной архитектуре и трансляции идеи о глубокой и тотальной религиозности русского народа, тогда как религиозное сознание северян - феномен очень сложный и неоднозначный. До полной и окончательной его научной разработки ещё далеко, но с уверенностью можно констатировать его синкретичность. В нём очень силён и по сей день языческий компонент, доставшийся, видимо, и от финно-угорских автохтонов и от новгородцев (ростовцев) – колонизаторов. Кроме того, в лично свободном севернорусском крестьянстве сильны были идеи с одной стороны реформизма (существовали целые кусты поселений представителей различных конфессиональных толков и ответвлений от православия), а с другой стороны свободомыслия и атеизма. Крестьяне опасались попасть в зависимость от монастырей- колонизаторов, становившихся крупнейшими помещиками, ростовщиками, а позднее даже фабрикантами на Русском Севере, и нередко прогоняли или даже уничтожали физически миссионеров, а также сжигали культовые постройки. [8, с. 29, 30] Случалось, что и сами монахи, отстаивая свои экономические интересы, доходили до вооружённого сопротивления государственной власти. [8, с. 49]

2) Далее следует поставить такой вопрос: как обширно и глубоко должна распространяться актуализация и ревитализация народных традиций и обрядов? Кто определяет, что именно из культуры прошлого нужно сохранять, а что не нужно? Научная этика подразумевает как можно более объективную и полную картинку о культуре предков, но как быть если что- то в этой культуре выходит за рамки современных представлений об этике? На Русском Севере ещё в первой трети XX в. сохранялись рудименты первобытных межполовых отношений. Речь идёт об охотничьих и хозяйственных табу, и т. н. «оргиастических праздниках», а также о добрачных отношениях между полами в деревнях Русского Севера. Как отмечает Ю. Семёнов, необходимо строго различать существующие в обществе нормы этики и реальное отношение к ним, реальное поведение людей. Нормы допустимого, таким образом, могут быть формальными и реальными. [15] Миссия трансляции музеями только формальной стороны севернорусской этики и ментальности, лубочных традиций и обрядов, объективно мало отличается от той европоцентричной шлифовки, которой подвергается наследие народов Океании (об этом пойдёт речь ниже).

В заключение, обратим внимание на мысль Стивен Вуда, в разное время бывшего сотрудником Национального музея армии и хранителем Музея шотландских вооружённых сил. Он задаётся вопросом о том, чем реально занимаются военно- исторические музеи, какую общественную миссию выполняют? [3, с. 20, 26] Не выходит ли так, что выставление

напоказ парадной, победной, медальной стороны, и оставление в тени окопной кроваво- грязной повседневности, нередкой глупости военачальников, а главное чётко сформулированных причин того или иного вооружённого конфликта – это работа на глорификацию и романтизацию войны, а не осуществление гуманистической антивоенной миссии, отстаивание дела мира и международного диалога, которой должны руководствоваться музеи такого профиля?

Этот вопрос актуален для наших сегодняшних условий. Массовое увлечение историческими реконструкциями сражений ВОВ, текстильная индустрия элементов военного обмундирования тех лет, парады в которых почему- то участвуют по большей части не военнослужащие, а представители различных правоохранительных органов – что всё это даёт в деле сохранения мира на планете? Как это приближает к научному историческому знанию о причинно-следственных связях такого трагического сюжета человеческой истории, как Вторая мировая война?

На наш взгляд, отечественные музеи должны удерживать гуманистическую, антимилитаристскую позицию, и ни в коем случае не включаться в прославление, и тем более мифологизацию любых войн, в которых принимала участие наша страна.

Миссии зарубежных музеев

В рамках небольшого эссе невозможно будет рассмотреть в хронологическом порядке динамику развития миссий музеев даже одного только Евразийского континента. Мы обратимся к некоторым, показавшимся нам любопытными сюжетам, в которых музеи разных стран мира осуществляли свои миссии.

Протомузейные формы сохранения наследия уже несут просветительскую, культурно- образовательную миссию. Так, Александрийская библиотека и «мусей», содержавшие коллекции художественных и природных редкостей – главный античный культурный центр. В самом буквальном смысле - это место, где сумела окрепнуть и развиться лишь недавно появившаяся на свет наука, и, наверное, можно сказать, вышли на новый уровень искусство и философия. Возрождение, признававшее идеалом Античность, переняло и этот феномен. Музеи, вышедшие из недр кружков гуманистов, знатоков древности и антикваров Возрождения, несут на себе миссию исследовательских центров, в которых буквально «делается» наука.

Гуманистом Паоло Джовио была обустроена вилла – «Джовианский музей», которая стала образцом для создания картинных галерей по

всей Европе. Но и миссия проводника «нужной» идеологии тенью следует за вновь появляющимися музеями: первый в Европе публичный археологический музей в закрытом помещении, созданный знатными венецианцами Гримани, должен был подводить к мысли о державном статусе Венецианской республики. Одновременно он был задуман и как памятник в веках своим основателям. [12, с. 113]

Можно отметить, что появившиеся позднее анатомические музеи и театры – явления вполне закономерные для своего времени, объективно выполняли миссию формирования научной картины мира (более узко – антропологической картины) в широких слоях населения европейских городов, поскольку проводимые в них вскрытия были публичными. Можно сказать и по – другому: в этих специфических местах культивировался дух свободомыслия.

Миссия некоторых получастных- полупубличных итальянских музеев XVIII в., обустроенных на виллах, помимо прочего – дать приют начинающим художникам и скульпторам. [12, с. 116]

Французские музеи, после 1789 г. впервые в истории развившиеся в сеть, несли миссию популяризации идеалов Просвещения и республиканских идей, а после термидора, и позднее идеологически подпитывали национальную консолидацию, как бы встраиваясь в завершающую стадию этногенеза французов.

Национальные музеи, которые вскоре стали появляться и в Старом, и в Новом свете – идеологические миссионеры. Музей национальной славы в Вене, разместил внутри себя в 1850- х гг. «Салон чести» с 56 статуями военных и государственных чинов Австрийской империи, в том числе и непосредственно подавлявших революцию 1848 г. [12, с. 124]

Миссию конструирования собственной государственности частично брали на себя музеи стран, освободившихся от колониальной зависимости (музеи в Буэнос Айресе, Сантьяго- де – Чили, Монтевидео, Монреале, Кейптауне).

В XX в. под влиянием европейского музейного дела появляются музеи в Австралии, Новой Зеландии, Индии, африканском и азиатском регионах, где продолжались процессы освобождения от метрополий. Миссии местных музеев всё так же укладываются в три главных направления: культурно- просветительная и образовательная работа, научные исследования, и идеологическое конструирование. Однако, здесь не всё так просто: открытый в 1943 г. геологический музей Фрейре ди Андради в Мозамбике, чьей миссией можно считать популяризацию геологии, и более узко - демонстрацию горнодобывающим ведомствам богатство недр Мозамбика, объективно

выполнял и компрадорскую миссию (до 1975 г. Мозамбик оставался португальской колонией). [10, с. 32]

Другая бывшая колония Португалии – республика Ангола, начав ещё в период колониальной зависимости просветительскую и образовательную работу через музеи, после 1975 г. выстроила целую музейную сеть, в которую включены и музеи естествознания, антропологии и археологии, и специфические музеи, как, например, музей истории рабства. [1, с. 35] Миссия последнего – сохранение памяти о чёрном геноциде.

Музеи в колониях нередко основывались метрополиями. В Новой Зеландии изучением истории маори и сохранением их наследия занимались научные общества, в которых считалось, что маори – это умирающий народ, и вскоре он исчезнет с лица земли. Форма, в которой шёл отбор, сохранение и изучение маорийского наследия иногда выходила за этические рамки и глубоко возмущала автохтонов архипелага: полностью игнорируя местные обычаи и культы, европейцы разоряли могилы и святилища. Музеи, хранящие сокровища маори, в глазах самих представителей этого народа представали, как памятники вышеупомянутого осквернения, как «печальные хранилища награбленного и скорби». [18, с. 37]

Благородные просветительские проекты музеев Океании иногда могут обернуться и тем, что объективно музеи выступают деформаторами местной культуры и истории, подгонкой её под европоцентрические шаблоны.

Иногда непонимание европейцами жизненного уклада исследуемых, может привести к трагедии. В 1960- х гг. Гарвардский музей Пибоди снарядил научную экспедицию на Новую Гвинею, в практически неисследованную область Балием, где как раз в этот период шёл ожесточённый межплеменной вооружённый конфликт. Учёные вооружили одно из племён металлическими топорами, что дало ему огромное преимущество в этом конфликте. В обществе камня металлическое оружие – страшная сила. [17, с. 84]

При обсуждении музейной миссии во время вооружённых конфликтов, нельзя обойти вниманием ту гуманистическую, антифашистскую миссию, которую объективно сумел выполнить Музей Человека в Париже. Один из его сотрудников – сын русских эмигрантов Борис Вильде, литератор, переводчик с нескольких европейских языков и этнолог, после побега из немецкого плена, создаёт с коллегами в оккупированном Париже «ячейку Музея человека». Фактически – это первая организация Сопротивления, даже название «Résistance» предложено Борисом Вильде (так был назван печатный орган ячейки).

В 1942 г. Вильде был расстрелян после 11 месяцев заключения. Его имя увековечено в парижской топонимии, а приказ о его награждении орденом Сопротивления, подписанный де Голлем, выгравирован на мраморе и висит сегодня в холле Музея Человека. [11, с. 29, 30]

При рассмотрении культурно- образовательной, просветительской миссии музеев нужно уточнять конкретно- исторический контекст, те условия в которых она осуществляется. Просвещение, приобщение к искусству сытого скучающего буржуа с Монмартра – не то же самое, что постижение алфавита на базе местного музея, и в перерывах между изнуряющим трудом на тростниковых плантациях, кубинским крестьянином.

Ещё совсем недавно, в 90- х гг. XX в. Национальный музей Нигера выполнял уникальную просветительскую миссию: три четверти взрослого населения страны были неграмотны, но приходя в этот музей, они могли «послушать» и «посмотреть», тем самым приобщаясь к этнографии, археологии и истории собственной страны. [7, с. 28]

И в начале XXI в., всё так же остаётся нерешённой проблема научно-технической отсталости стран, недавно получивших независимость. Об этом и о роли, которую могли бы играть музеи развивающихся стран для широкого распространения научной грамотности, в 2000 г. писал египетский исследователь М. Самех Саид. Совместно с коллегами, он создал в Каире Новый центр научного творчества – по сути, музей науки и техники, но с сильным креном в сторону лабораторного творчества, самостоятельной изобретательской работы в мастерских и т. д. В Африке и на Среднем Востоке – это было первое учреждение музейного типа, развивающее принцип «трогать разрешается». [14]

Нужно отметить, что в Северной Америке и Европе эксплораториумы – места, сочетающие в себе элементы музеев, лекториев и лабораторий появились ещё в середине XX в. С 90- х гг. их открылось немало и в России. Однако, какую бы миссию они не декларировали сами, нужно смотреть не преобладает ли объективно в их деятельности стремление к извлечению прибыли над всеми другими провозглашаемыми целями и задачами.

Сегодня в развитых странах укореняется понимание деятельности музеев, как учреждений социально ответственных, как центров социального творчества, одновременно сохраняющих память о «тёмном» прошлом человечества. Музей многоквартирного дома в Нью-Йорке, Дом Анны франк в Амстердаме, Национальный исторический парк прав женщин, экспозиция о процессах над «ведьмами» Музея Пибоди в Эссексе, Музей Туолсленга, освещающий геноцид в Камбодже, Музей нанкинской резни в Токио, Музей палестинской жизни и памяти, множество музеев Холокоста по всему миру,

тюремных музеев, Музей- институт геноцида армян в Ереване, музеи, сохраняющие память о рабстве и работорговле – актуализируют в обществе проблемы прав человека и объективно выполняют гуманистическую миссию, предупреждая человечество о необходимости извлекать уроки из исторического прошлого.

Заключение

Главная миссия музеев во все рассмотренные нами периоды истории, может быть охарактеризована, как педагогическая. Музеи, всегда по-разному, в зависимости от конкретно- исторического контекста, занимались образованием, развитием и воспитанием своих посетителей. Как и другие институты со схожими задачами, выработанные в нашем обществе, они подвержены влиянию идеологических установок, которое так же исторически изменчиво и неодинаково в разных странах мира.

Наметившийся ещё в XX в. поворот от простой трансляции знаний и информации, к музейной коммуникации, к социокультурному проектированию внутри музея (часто и вне его, но совместно с музеем), позволяет говорить сегодня и о новой миссии музеев – быть лабораториями, центрами и координаторами социального творчества людей.

Список использованной литературы

1) Ангола: состояние музейного дела // Museum. Ежеквартальный журнал ЮНЕСКО. - 1989. - № 161. - С. 35 – 37.

2) Антонова И. А. Картины Дрезденской галереи в Москве // Museum. Ежеквартальный журнал ЮНЕСКО. – 1985. - № 147. – С. 51 – 56

3) Вуд Стивен Музеи военной истории в современных условиях // Museum. Ежеквартальный журнал ЮНЕСКО. – 1986. - № 149. – С. 20 – 26

4) Главная страница сайта Архитектурно-этнографический музей Вологодской области [Электронный ресурс] / Сайт Архитектурно-этнографического музея Вологодской области «Семёнково» – Электрон. дан. - URL: https://www.semenkovo.ru/ru (дата обращения 11. 05. 2018).

5) Главная страница сайта Кенозерского национального парка [Электронный ресурс] / Сайт Кенозерского национального парка – Электрон. дан. - URL: http://www.kenozero.ru/ (дата обращения 11. 05. 2018).

6) Главная страница сайта Музея деревянного зодчества Малые Корелы [Электронный ресурс] / Сайт Музея деревянного зодчества Малые Корелы – Электрон. дан. - URL: https://www.korely.ru/museum/ (дата обращения 11. 05. 2018).

7) Журден Колетт Моник Национальный музей Нигера: народная культура не только для грамотных // Museum. Ежеквартальный журнал ЮНЕСКО. - 1990. - № 165 С. 27- 29.

8) Зайцев В. А. Беломорский Север: религия, свободомыслие, атеизм / В. А. Зайцев. – Архангельск: Сев.- Зап. кн. изд- во, 1983. – 203 с.

9) Копанева Н. П. Петербургская Кунсткамера XVIII века: музей и наука // Наука из первых рук. – 2015. - № 3 (63). С. 28 – 41.

10) Кошта Алда Мозамбик: музеи - источник знаний // Museum. Ежеквартальный журнал ЮНЕСКО. - 1989. - № 161. – С. 32 – 34.

11) Кузьменко О. Н. Борис Вильде и мать Мария: парижская топонимика в их жизни и их жизнь в парижской топонимике // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. - 2017. № 1 (9). - С. 28- 35.

12) Основы музееведения : учебное пособие / отв. ред. Э. А. Шулепова. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 504 с.

13) Полякова М. А. Культурное наследие России. История охраны и современное состояние: учебное пособие / М. А. Полякова. – М. : РГГУ, 2015. – 388 с.

14) Самех Саид М. Музеи науки и техники. Квалифицированный посетитель // Museum. Международный журнал. - 2000. - № 208. С. 31-36.

15) Семёнов Ю. И. Пережитки первобытных форм отношений полов в обычаях русских крестьян XIX – начала XX в. // Этнографическое обозрение. – 1996. - № 1. – с. 32 – 48.

16) Словарь музейных терминов [Электронный ресурс] / Российская музейная энциклопедия – Электрон. дан. - URL: http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp (дата обращения 11. 05. 2018).

17) Фальк- Рённе Арне Путешествие в каменный век. Среди племён Новой Гвинеи / Арне Фальк- Рённе – М. : Главная редакция восточной литературы изд- ва «Наука», 1986. – 197 с.

18) Хакивай Арапата Снова при свете дня? Музеи и культура маори в Новой Зеландии // Museum. Ежеквартальный журнал ЮНЕСКО. - 1990. - № 165. С. 35 – 38.